

ИНГА АНДРИАНОВА

ПО ТУ СТОРОНУ

Инга Андрианова

По ту сторону

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Андрианова И.

По ту сторону / И. Андрианова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Эта книга необычна. Ее особенность в том, что автор, приступив к работе над романом, поставила перед собой условие забыть все то, что когда-либо учила и читала. Никаких условностей, законов жанра. Вот - белый лист, вот – автор, вне штампов и канонов. В итоге вышла история, в которой есть все: и быт, и путешествия, и приключения, и любовь, и полное отсутствие правил! Жизненная, искренняя история о непростой судьбе молодой женщины.

© Андрианова И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Пробуждение	7
Страна чудес	11
Вода и вязание	17
Зазеркальный дом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Инга Андрианова

По ту сторону

Пролог

«Жизнь – приключение длиною в жизнь...».
Мудрость ушлых.

Антон и Нина не любили друг друга. Нырнув с головой в столичную жизнь и оставаясь в душе типичными провинциалами, они довольно быстро нашли общий язык и стали жить вместе. Как все московские студенты шестидесятых, они бродили по ночным проспектам, пели под гитару и под перезвон трамваев бегали в закусочную, когда от голода сводило живот.

Чтобы прокормиться в чужом городе, Антон устроился грузчиком в колбасный цех и регулярно подворовывал батоны, которые потом с гордостью вынимал из штанов под визг и хохот соседей по общежитию. Было шумно и весело. Со всей страны, словно горные ручьи в столичный ВУЗ стекались жизнелюбивые, напористые потоки, чтобы спустя пять лет вынырнуть где-нибудь в поселках Крайнего Севера или аулах Средней Азии в качестве молодых амбициозных и не очень амбициозных специалистов.

Зима пришла под утро, запорошила, обезличила аллеи, накрыла тонким пледом набережные и парки. Из окна потянуло стужей и недозрелыми яблоками, в воздухе зазвенела, заискрилась кисея. В груди поселился вздох. В этот момент Нина поняла, что ждет ребенка.

В предрассветной гулкой тишине эта новость была как удар снежка о мутное стекло. Радость открытия и трепет ожидания миновали юное сердце Нины, она тихо застонала и откинулась на подушку. «Как глупо! Как не вовремя!». Промаявшись в постели до рассвета, Нина совсем пала духом и потеряла способность принимать решения. Врачей она панически боялась и посещала по мере надобности, как неизбежное зло, таблетки отродясь не глотала, потому как организм имела крепкий, а здоровье – отменное.

Нина встала с кровати, подошла к окну, уткнулась лбом в холодное стекло: «Теперь придется пропускать учебу. Уж лучше бы не подтвердилось...».

В подобных случаях надежды оправдываются редко, а вот прогнозы – часто. Друзья, возникшие невесть откуда, охотно лезут в душу, участвуют в судьбе заблудшей. Слова их звучат убаюкивающе и по-родительски заботливо. Как правило, все эти люди знают уйму аналогичных историй, примеров из жизни. Все они готовы поделиться, помочь, поддержать на проектной стадии. Все они выглядят мудрецами и, только оказавшись в схожей ситуации, безвозвратно теряют апломб.

Находясь в ступоре, Нина слушала невнимательно, кивала всем подряд и часто невпопад. Антон был холоден и категоричен. Перспектива отцовства и жена на сносях не входили в его безупречный проект. «Поступай, как знаешь, материально поддержу», – на этом диалог двух любящих сердец иссяк.

Таблетки были гадкими на вкус, вызывали изжогу и бесконечную жажду. Семинары проплывали под шторм в ушах и муть в глазах. Головные боли, тошнота и рези выкачивали остаток сил. Никак не получалось согреться. Внешний мир с его новогодней мишурой, брызгами смеха и ароматом хвои стучался в окна, проносился в метро, шуршал юбками по мраморным ступеням, манил, искрился беззаботной праздничной шумихой, но никак не давал приблизиться, заглянуть в себя, сделаться его частью.

Таблетки полетели в помойное ведро вместе с надеждой на спасенье. Куранты пробили Новый год...

Пробуждение

Когда душным июльским утром первые лучи прорезали дымку над Москвой-рекой, акушерская бригада родильного дома № 7 приняла на свет младенца с тазовым предлежанием.

– Девочка у тебя, 3 500. Но имей в виду, у ребенка асимметрия лица и косолапость стоп. Смотреть будешь?

– Нет.

Нина лежала, уставившись в потолок, и повторяла пересохшими губами: «Пускай она умрет! Пускай ее не станет!».

«Она не должна жить!», – как заведенная твердила Нина, пока сон не навалился густой тягучей пустотой.

Когда детей привезли на кормление, Нина склонилась над спящей девочкой, вгляделась в ее крохотное личико:

– Нет, это не асимметрия. Это гематома – она же задом шла, вот ее и сплющило. Теперь посмотрим ножки... Так, пальчики на месте: один, два, три... всего десять. А что же не так со ступнями? Девочки, дайте посмотреть ваши ножки! Ну, надо же, совсем как у моей! У всех одинаковые! Чего ж они говорят «косолапость стоп»? Зачем они такое сказали?

– А ты их больше слушай! Вон в соседней палате вообще щипцами доставали, представляешь, какая там симметрия!

– Господи, а я себе такого напридумывала! Нормальная девчонка, только рыжая очень, кудри огненные как шерсть у коровы.

– Да что ты, Нин, такое про ребенка говоришь! Ну рыжая, и что? У них цвет волос еще десять раз поменяется.

– Да я ничего, просто перепугалась...

– Ты бы лучше ее покормила, молока, небось, на всю палату хватит.

На выписку Антон опоздал – стоял в Детском Мире за ползунками. Нина угрюмо топталась на месте, глотала обиду и горькие слезы, в то время как счастливые и глупые папаши баюкали свой самый главный груз. Получалось у всех одинаково: кулечки мяукали и расползались, банты съезжали на сторону, а мамки, побросав цветы, металась вокруг возмущенных младенцев, подтыкая пеленки и прикрывая розовые пятки.

В общежитии было тихо – студенты разъехались по домам, и только на кухне сиротливо сопел забытый кем-то чайник, из дальней комнаты звучали сигналы точного времени. Нина положила дочку на кровать, вышла на балкон и шумно вдохнула запах листвы: «Вот я и мама... Интересно, что я должна при этом чувствовать? Моя мать родила шестерых, и каждый раз у нее по-особому светились глаза, похоже, она что-то ощущала. Знать бы только, что...»

Кормление – пеленки – кормление – пеленки – вот лейтмотив матерей-одиночек. Антон, и без того не рвущийся в отцы, узнав пол ребенка, утратил к нему интерес. Наследника не вышло, чего же напрягаться? Поход на молочную кухню стал для Антона и подвигом отцовства, и оправданием вечных отлучек, и поводом сбежать на преферанс. Случалось, он не возвращался до утра, тогда, скрипя зубами и проклиная всю мужскую братию, Нина хватала орущий кулек и по трамвайным путям бежала на детскую кухню.

Близились зимняя сессия. Ученый люд шуршал конспектами, дымил в институтских курилках. Преподаватели с надутыми щеками и статью королевских индюков курсировали вдоль аудиторий. С каждым днем пополнялась их свита – ширилась армия прогульщиков и

подхалимов. Шел активный обмен информацией на тему «вшивости» того или иного «препода», растекались агентурные данные о пристрастиях и пунктиках местных светил.

«Санаева терпеть не может беременных, а Высоцкая – курящих. К Бахрушеву не вздумайте надевать мини, он вообще не по женской части».

Было скользко и пасмурно, Нина спешила домой – нужно было пристроить ребенка и успеть на экзамен. Принимала старуха Елизарова, родственница бессмертного вождя, свое-нравная и заносчивая. Студенток она не любила, замужних презирала, а тех, кто по ходу дела успел обзавестись потомством, смачно и размеренно топила по всем вопросам. «Бальзака, у Бальзака, Оноре де Бальзака», – словно мантру твердила Нина. Разведка донесла, что мадам осилила всю Человеческую комедию и помешана на ударениях. «Сейчас за угол, и я дома» – в этот момент Нину что-то толкнуло и отбросило, словно куклу, в грязный рыхлый сугроб. Ступня подвернулась, с ладони закапала кровь, из авоськи посыпались битые стекла. Нина пошевелила ногой и поморщилась. Два молодых человека подхватили Нину под руки, какая-то тетка заняла противным фальцетом:

– Смотри, куда идешь. Темно ведь, гололед! Чего тебя на рельсы понесло? Чуть под трамвай не попала! Чего болит? Идти-то можешь? Ой, а молока-то как жалко! И пальто все испачкала! Ты руку-то держи на весу, а то пальто зальешь. Молодые люди тебя проводят. Давайте, молодые люди, чего встали?

– Не надо меня провожать, я уже дома, – сквозь слезы выдавила Нина и побежала к общежитию, вытряхивая на ходу проклятые осколки.

Она прошла по комнате, нервным движением сорвала с веревки сухую пеленку, отерла ладонь:

– Сил моих больше нет! Жить хочу, спать хочу, тишины хочу! – шумно выдохнула, склонилась над спящей дочерью и долго смотрела, как та, распустив слюни, чмокает губами.

Медленно и уверенно она спеленала ребенка, сложила в сумку паспорт, свидетельство о рождении и, немного подумав, студенческий билет, подхватила притихшую дочь и решительно вышла из комнаты.

В приюте ее не осуждали, не отговаривали, не пытались вразумить, молча выслушали путаные объяснения и также молча оформили бумаги. Нянечка, взяла ребенка на руки, посмотрела на Нину то ли с горечью, то ли с печалью и исчезла за белой облупившейся дверью, а секунду спустя до Нины долетел истошный детский крик, тот самый, от которого у добрых матерей кровь стынет в жилах.

В тот день Нина сдала экзамен по мировой литературе. Не смотря на ошибки в ударе-нии и задолженности по семинарам, профессору Елизаровой понравилась молодая целе-устремленная студентка с решительным и твердым взглядом.

Студенческие каникулы... благословенная пора! Сессия позади, страна шагает в ногу с новой пятилеткой, елки с остатками мишуры уныло торчат из сугробов, под балконами вмерзшее в снег конфетти, на лицах прохожих усталость и уверенность в завтрашнем дне. Но студент – это не просто прохожий, это иная, юная и загадочная формация с голодным и любопытным взором. Студента не спутаешь ни с кем – он представитель едва уловимого духа новизны и тайны непознанного. Из-за плеча у него неизменно торчит глумливая физио-номия размытого грядущего, а во взгляде читается еще по-детски бесхитростное желание спасти мир. Зимние каникулы для студента – это сигнал к действию: за эти пару недель обладатель зачетной книжки должен успеть многое: исцелить вселенную от депрессии, а зачахшее человечество – от греха уныния.

Общежитие в очередной раз пустеет, но еще несколько дней в воздухе будет витать дух энтузиазма и морковных котлет.

Антон уехал на родину зализывать экзаменационные проколы, а Нина, получив от матери анафему в конверте, забрала дочь из приюта и отвезла домой в свою многодетную семью. Козье молоко, здоровый деревенский воздух и добрые бабушкины руки впервые подарили Веронике чувство дома. Донбасский говорок да крики петухов стали для девочки первой колыбельной, а любящие глаза согрели ее маленькое сердечко. В этой большой небогатой семье детей любили и растили без лишнего усердия, но внимательно и преданно. Вдобавок к шестерым родным детям семья поднимала мальчишку-сироту, который прибил к ней после войны, да так и остался, не смотря на голод и вопиющую нищету. Дети росли добрыми и бесхитростными, в меру трудягами, в меру оболтусами. Старшие брат и сестра учились в Москве, младшим жизнь уготовила свою особую программу.

Лето в Донбассе – пора жаркая и засушливая, седая угольная пыль мешается с ароматом полыни и давленных абрикосов, образует дивный южный коктейль, который проникает под кожу и остается там на всю жизнь. И каждый раз, услышав южный говорок или мелодию давно забытой песни, ты вспоминаешь пирамиды терриконов и золотые кукурузные поля.

Ника сидела на угольной куче и с важным видом перекладывала камешки с одной стороны на другую. Из-под черной щекастой маски на мир таращились два внимательных зеленых глаза. У ее ног сопел не менее чумазый пес, претендующий на родство с немецкой овчаркой. Он подрагивал брюхом, сгоняя жирных слепней, и тер лапой нос, когда в него залетала порция угольной пыли.

Калитка заскулила и открылась, пес лениво поднял морду и, не вставая, завилял хвостом. Во двор вошла Нина.

– Верка, ты что ли? Как выросла! А толстая какая! Ма, ты чего так Верку раскормила?

– А, приехала, здравствуй, – на пороге показалась маленькая рябая женщина, с большой миской и черными от вишни ногтями, – неси чемодан в дом, а то Рекс-гад погрызет.

Нина присела на корточки возле угольной кучи, стараясь не задеть подолом камни:

– Верка, ты меня помнишь? Пойдешь ко мне на ручки? Ма, ты б ее помыла!

– Тебе надо, ты и помой.

– Давай нагреем воды, я ее в тазу вымою.

– Ты, Нинка в своей Москве совсем заучилась. Вон бочка на солнце нагрелась, возьми воды да вымой девку.

Нина встала, сощурилась, шумно вздохнула:

– А нас распределили на Урал.

– А что, в Москве не оставляют?

– Антона хотели оставить, потом узнали, что он с ребенком, и сразу же перевели.

– Да, Урал далеко...

– Ма, я приехала за Веркой...

– Да ты что! Правда что ли? – мать села на крыльцо, беспомощно опустила руки на подол, – Зачем она тебе?

– Я Верку заберу с собой, – настойчиво повторила Нина, – Антонова родня так хочет.

– Не отдам! – резко ответила мать и посмотрела на Нину с упреком, – Ну, не слушай ты этих хохлов! Ты все равно для них чужая, и Антон тебя бросит с ребенком! Оставь нам Верку – ей здесь хорошо, она к нам привыкла, меня мамой зовет. Езжай на свой Урал, живи там, работай, а девку оставь – не губи ты ребенка!

* * *

Поезд тронулся, и бабка завывала словно раненный зверь. Ника билась в руках у матери и ревела на весь вагон. Пассажиры с любопытством разглядывали молодую симпатичную

особу, которая нервно трясла безутешную дочь и что-то грубо кричала в окно бегущей за поездом женщине.

Страна чудес

Урал – волшебная страна. Здесь все незыблемо и первобытно. Безликие города, с их коптящими трубами, карьеры с асбестовой пылью и урановые рудники островками вплетаются в дремوتную тайгу, полную звуков и движений.

Когда встает солнце, горы покрываются теплым румянцем, а верхушки сосен вспыхивают каждой иголочкой навстречу высокому небу. Воздух здесь чист и прозрачен, шум листвы в могучих кронах раскатист и тревожен, ручьи журчат веселым смехом, а щедрый птичий хор перекрывает гул летящего над лесом самолета.

Закутанный в колючую проволоку городок без названия ютился у подножия гигантской сопки. Он рос и ширился, грозясь со временем подмять всю высоту, покрыв ее наростами пятиэтажек. Жители усердно вкалывали на урановом предприятии, гордясь невиданными льготами, изобилием на прилавках и статусом таинственности.

Отца распределили в местный институт, а мать довольствовалась самой средней школой – в России женщина всегда плелась в тени.

Родители прошлись по коммуналке, представились соседям по квартире, распаковали свой единственный чемодан и убежали покорять вершины педагогики.

В отсутствие взрослых я почти не скучала: потихоньку разносила жильё, охотилась за сладостями и с большим интересом ждала, кто явится на этот раз; будут меня ругать за добытые и уничтоженные конфеты или на пару со мной разделят трофей? Переломав и разбросав игрушки, я забиралась на окно и начинала ждать гостей. Ближе к обеду мать отпускала с урока одну из своих учениц, чтобы та кормила меня и поднимала мой боевой дух. Такие вылазки считались поощрением, и старшеклассницы из кожи лезли вон, чтобы заслужить очередной отгул. Со мной им было веселее, чем за партой, поэтому уроки истории проходили на высокой ноте, а успеваемость летела в гору. Меня девчонки баловали, водили на прогулки и даже разрешали таскать вишневое варенье, которое от моих грязных пальцев засахаривалось на удивление быстро. Заинтригованные родители никак не могли понять, что происходит с их запасами продуктов, куда девается сгущенка, а вместе с ней и грецкие орехи.

Наступила зима, и мои набег на фамильные склады прервал Маркиз Дет Сад. Вот где открылся великий омут дошкольной педагогики. Воспитатели называли нас исключительно по фамилии, орали оглушительно и смачно, укладывали спать в кладовке, ставили в угол и обзывали словами, за повторение которых нам часто доставалось от родителей. Но не смотря на все их старания, врожденная любовь к жизни, неистребимый энтузиазм и жажда открытий служили для нас, счастливых советских детей, тем ярким маяком, что вел сквозь ряды инквизиторов и надзирателей к единственному праведному свету.

Наш город развивался, хорошел. На месте тайги вырастали дома. Не прошло и года, как моих родителей, как молодых специалистов, поставили в очередь на отдельное жильё. Умнейший папа прикинул в уме варианты и тут же выписал к себе бабулю. Бабуля бросила родимый дом и ради покорения квадратных метров сменила жаркий климат Черноземья на сумерки Уральских холодов. Таким вот деликатным образом заботы по хозяйству (в которое входила я) легли на бабушкины плечи. Готовила она прекрасно, чистоту блюла педантично, женщиной была твердой и требовательной. Одна беда – она не ладила с невесткой: мало того, что единственный сын женился на кацапке, та еще оказалась грязнулей и лентяйкой. Конфликт двух женщин тлел на малом огне и не возгорался по двум причинам: мать с утра

до вечера торчала на работе, а вернувшись домой, принимала тяжелый характер свекрови в надежде на жилье и скорый отъезд зловредной старухи.

Маркиз Дет Сад ушел в небытие, и бабушка взялась за мой откорм и воспитание.

Мы много гуляли, бродили по городу, с большим энтузиазмом изучали его географию.

Был солнечный апрельский день. Мы вышли из автобуса, остановились у красивой новостройки.

– Смотри, твой новый дом, – сказала бабушка и хитро улыбнулась.

Фасадом пятиэтажка выходила на тайгу, а тылом на большой покатый холм. С него стекала юная березовая роща.

– Иди за мной! – скомандовала бабушка на своем певучем языке и потянула меня за рукав.

Квартира показалась мне дворцом: диваны и кресла пурпурного цвета, гигантский эркер во всю стену, дубовый стол на терракоте ковра – все было залито янтарным светом. Лучи проникали сквозь паутину листьев, играли тенями, сплетали их в узор и делали пейзаж загадочно – подвижным.

– Ванная! – завопила я и бросилась навстречу гигиене.

Заплыв мой длился больше часа, и продолжался бы еще, не припугни меня бабуля, что если я не выйду из воды, у меня из ушей ползут вербные листья.

Таким образом, наша семья стала обладательницей отдельной двухкомнатной квартиры в живописном районе Урано-Секретенска.

Бабушку со всеми почестями спроводили на Украину, а меня на радостях – в ближайший детский сад. И потянулись долгие безрадостные будни.

Отец рассматривал телесные наказания как неотъемлемую часть воспитания и за любую провинность порол жестоко и с оттяжкой. С поникшей головой я слушала доносы воспитательниц, ловила блеск злорадных глаз и все больше ежилась, предчувствуя акт возмездия. Отца я боялась до дрожи: его рука была тяжелой, разговор – коротким, слова – зловещими, аргументы – мудреными.

Бывало, в бой вступала мать, прикрыв меня своим роскошным телом. В такие дни доставалось обеим. Но рано или поздно порка заканчивалась, из меня выколачивалось очередное искреннее раскаяние, обещание не драться, не плевать, не писать мимо горшка, питаться тем, что дают, и думать, думать, думать над своим паскудным поведением. Наука засовывать язык себе в задницу через нее же и вколачивалась. Делалось это регулярно, качественно и добротнo.

С завидным постоянством отец изобретал все новые педагогические приемы, которые впоследствии осваивал на мне. Кончалось всегда одинаково – поркой и признанием моей полной несостоятельности.

Однажды из старой картонной пудреницы отец смастерил подобие копилки. Родители торжественно отслонявили мне гривенник, и я тут же ощутила себя президентом собственного фонда. Последующие несколько дней я кланчила деньги в пользу этого фонда то у отца, то у матери и ломала голову над тем, как бы умножить капитал.

Был тихий теплый вечер, ручьи захлебывались талой водой, а птицы весенним вокалом. Мать привела меня на школьный двор и, бросив там, умчалась на какой-то «педсовет». Я поиграла в классики, порисовала на асфальте, ободрала с кустов молодую листву, поскакала на правой, на левой ноге, а когда солнце зашло за тучу и стало прохладно, я бросила скакать и побежала в школу. Какое-то время я бродила по пустынным коридорам, заглядывала в классы, изображала учительницу и пачкала мелом намытую доску. В конце концов я добрела до раздевалки и на полу обнаружила медный пятак. Богатство свалилось на меня так

нежданно, что я засунула руку в ближайший карман и выудила оттуда горсть монет. Да, это был настоящий успех! Педагогические карманы одарили меня червонцем, двумя трешками, рублем и кучей звонкой мелочи, которая вдохновляла гораздо больше, чем мятые бумажки. Довольная и беспечная, с руками, полными сокровищ, я вышла в вестибюль под бдительное око поломойки. Тетка отставила швабру в сторонку и произвела классический шмон: вывернула мои карманы, сняла с меня ботинки и тщательно их перетрясла. Свои действия она сопровождала угрозами и требованием сдать подельников. Я не кололась: мои потуги сдать всю шайку целиком и, на худой конец, представить, как выглядит подельник, закончились провалом. Учителя, вернувшиеся с педсовета, наперебой живописали тяготы тюрьмы. Прислушав их мрачную повесть, я поняла, что все они прошли долгий лагерный путь, прежде чем завоевали право обучать советских школьников.

В конце концов меня объявили членом школьной банды, сдали убитой горем матери, наскоро поделили награбленное и растеклись по колбасным отделам ближайших гастрономов.

Мать затащила меня в раздевалку и собственноручно обыскала.

– Не смей никуда уходить! – прошипела она и выскочила за дверь.

От накотившей на меня тоски я запустила руку в ближнее пальто и выудила две хрустящие бумажки. На этот раз улов был небогат – ни блестящих тебе монет, ни радующих душу пятаков! Я повертела бумажки в руках, сунула их к себе в карман и побежала доигрывать партию в классики.

Вечер в семейном кругу прошел оглушительно тихо...

Проснувшись я поздно и тут же ощутила мрачный дух, витавший по квартире. Я подкралась к двери и тихонько ее приоткрыла: отец сидел за своим шикарным столом, мать шагами мерила комнату.

– Иди сюда! – велел отец и поднял тяжелые веки.

Я живо вспомнила вчерашний день, а вместе с ним и две хрустящие бумажки.

– Чего ты ждешь? – голос отца выражал нетерпение.

– Мне нужно в туалет.

Я натянула кофту поверх пижамы и жалким кроликом проскакала мимо отца. Едва задвинув за собой щеколду, я сунула руку в карман, достала оттуда злосчастные деньги и с чистой совестью их смыла в унитаз. Освободившись от улик, я выдохнула с облегчением, одернула кофту и вышла к отцу. Мать покосилась на отца, сложила руки на груди, предательски сощурила глаза:

– Теперь рассказывай, что было в школе.

Я долго мямила, хлюпала носом, переминалась с ноги на ногу и все глубже втягивала шею.

Мои стенания прервал отец:

– А ну-ка выверни карманы!

Увидев, что карманы пусты, отец вскочил с места, завис надо мной, словно коршун:

– Где деньги? Куда ты их спрятала? Неужели ты их спустила в унитаз? – в его глазах был неподдельный интерес.

– У меня ничего нет, папа, – проблеяла я.

Судорога свела горло, а следом отказали связки.

– Ну что ж, не признаешься, это плохо! Но хуже другое. Хуже всего – твой вчерашний поступок.

– Я так больше не буду...

– Я знаю, – тихо ответил отец, – А теперь покажи свои руки!

Я посмотрела на отца и спрятала руки за спину.

– Руки на стол! – крикнул отец и подался вперед.

Я подошла к столу и вытянула руки. Я думала, отец возьмет ремень, но вместо этого он вытащил топор. Я дернулась и дико закричала, а следом закричала мать, но громче и яростнее всех закричал отец:

– Положи руки на стол! С такими грязными руками жить нельзя!

Мать оттолкнула меня от стола, схватила отца за рукав:

– Отдай топор! Отдай немедленно! Ты слышишь!

– Неси копилку! – жутким голосом велел отец, и я мгновенно подчинилась.

– А теперь, – он разрубил копилку пополам, – ты спустишь деньги в унитаз. О копилках забудь навсегда! И по карманам я тебя лазить отучу!

Рубцы и кровоподтеки я зализывала всю неделю и еще месяц вздрагивала по ночам, шарахалась при виде топоров и стороной обходила чужие карманы. Только раз я стащила стеклянные бусы, но наигравшись, вернула хозяйке.

Когда мне исполнилось семь, отец неожиданно повел себя как сноб и определил меня в элитную спецшколу, которую зачем-то называл английской. Директор школы лично проводил отбор: оценивал уровень, определял способности, задатки, короче, снимал сливки с мутного потока претендентов. Я успешно сдала все экзамены и получила гордое право именовать себя первоклашкой.

Первого сентября мать отвела меня на школьную линейку, пустила там слезу, похлопала в ладоши и унеслась достраивать свой беспросветный коммунизм.

Наша школа оказалась довольно чопорным местом с большими претензиями и еще большими амбициями. Помимо стандартного набора дисциплин мы изучали ряд предметов на английском языке. Граматику и орфографию преподавали хорошо, а вот с акцентом выходил конфуз. Двойной железный занавес «страна – закрытый город» не пропускал ни слова иностранной речи, и приходилось бедным педагогам пускать фонетику на самотек. Произношению учил магнитофон и записи все тех же педагогов. Не удивительно, что английский язык звучал из наших уст топорным русским диалектом.

Наша форма а-ля Итон выгодно отличалась от черно-коричневой классики, и все мы страшно гордились своими синими жилетками и золотыми пуговицами на клубных пиджаках.

На этом разногласия кончались, и подобно миллионам школьников, вся курносая сопливая элита городка расплзалась по классам, навстречу процеженным фактам, прилизанной под идею научной основе и чудо-педагогам, презиравшим детей.

Уральские морозы – страшный сон, извечная борьба за выживание, когда под стон пурги и вой поземки ты пробиваешься к зданию школы. Порывы, словно битое стекло, секут обветренные щеки, портфель все время валится из рук, потому что пальцы деревенеют и не желают слушаться.

Когда температура падала за тридцать, все городские школы закрывались, во всех остальных случаях приходилось бежать на урок наперегонки с угрозой обморожения. Зарывшись в шубу с головой, мы штурмовали снежные барханы, пригнувшись топали сквозь снег и ветер, пытаясь, взбирались по ступенькам и с грацией снеговиков закатывались в раздевалку. Обледенелые пальчики плохо справлялись с застежками, мы их просовывали в батарею, чтобы тут же отдернуть и, поскуливая от боли, прижать к губам. Здесь в раздевалке, в лабиринтах шуб, дремучих зарослях пальто случались самые жестокие баталии: мальчишки бились в кровь и совершали вылазки в стан девочек.

В первом классе я стала чемпионкой школы по опозданиям. Вместе со мной на это звание претендовал мой одноклассник – Димка Колесников, живший, как и я, на другом конце города. Димка обитал двумя домами дальше, и все же хронически отставал в борьбе за первенство. Автобусы вели себя по-свински: график движения не соблюдали, в назначенное время не являлись. Но только мы с Димкой испытывали на себе все тяготы общественного транспорта, и только мой автобус оказывался самым непорядочным из всех.

Классная дама ругала меня, на чем свет, писала заметки в моем дневнике и грозилась накапать директору. Каждое утро она выставляла меня у доски и требовала покаяний. С упорством Шехерезады, я пела все новые сказки о подлых автобусах и вероломных будильниках. К концу четверти мои утренние опоздания стали событием школьной жизни: их с нетерпением ждал весь класс, и я старалась не повторяться, находить все новые краски и оттенки, чтобы слушатель мой не скучал. Но любой, даже очень большой артист, когда-нибудь терпит фиаско. Так случилось и со мной: очередная сага оказалась менее удачной, и классная дама расторгла контракт. Я головой открыла дверь и, протаранив всю кулису, затормозила о ведро с водой. Нянечка охнула и выронила тряпку.

– За что ж тебя, милая?

Она-то, добрая душа, и зашивала мне колготки, возвращала на место красивые пуговицы и заплетала мокрые косички.

Уроки закончились, и весело размахивая портфелем, я поскакала к матери в совсем другую школу, где не было двоек и злобных училок, где все меня любили, за дверь не выставляли, а в столовке кормили и давали добавку оранжевой подливки. Мой растерзанный вид вызвал переполох, и я тут же во всем созналась. Мать сильно разгневалась и затрубила в рог войны, но тут вступили мудрые коллеги. Они быстро напомнили матери, что сама она поступает не лучше, но только с чужими детьми, повздыхали, поохали и порешили закопать топор.

– Собачья работа! – вздохнули коллеги, – Со всяким бывает...

Отец вершил карьеру в местном ВУЗе, читал философию и политэк и ночи напролет, дымя пиратской трубкой, выстукивал на машинке свой бесконечный опус. Звался опус *Диссертацией*, хранился в ящике стола. Как-то раз я залезла в отцовы бумажки и вычитала странный заголовок *«Тайны кабинета Сталина»*. Слово «тайны» меня напугало, я сунула листки обратно в стол и впредь зареклась туда лазить. В ту осень в доме часто звучали имена диссидентов, с которыми отец состоял в переписке. Я знала наизусть фамилии борцов с режимом, но лишь одна из них – Солженицын, никак не давала покоя, и каждый раз я мучилась вопросом «Так стал он все-таки жениться или нет?». Спросить об этом не решалась, разумно опасаясь порки. Так и ходила, озадаченная.

По вечерам отец водил меня гулять, показывал созвездия, которые отцы традиционно показывают дочерям, рассуждал о природе, о литературе, о смысле жизни. Притихший город, свет чужих окон, хрустящий спелый снег, морозный тихий воздух... и каждый раз одно и то же чувство. В нем было все: печаль и обреченность, несхожесть и какая-то вселенская тоска. Но вскоре это чувство испарялось, мир становился ласков и приветлив. Мы много смеялись, валяли дурака, придумывали всяческие игры. Случалось, отец заводил меня в лес и бросал там одну. Я тут же начинала хныкать, отец издавал победный клич и, с видом наигравшегося школьника, выходил из укрытия. Его загадочная система воспитания включала все возможные кнуты и пряники, а также философские вливания в мой безупречно чистый мозг. И не было на свете человека, умевшего так быстро рассмешить – я хохотала до слез и до колик, вприсядку и вприпрыжку, а в голове маячила цветная мысль, что мой отец способен видеть свет. Мы говорили о загадочной стране под названием жизнь, сочиняли пародии и гадкие стишки. Отец придумывал дурацкие дразнилки, на все лады склонял мое имя, наве-

шивал прозвища и «обзывалки». Все с тем же упоением он методично драл меня за тройки, изобретал все новые занятия, чтобы взбодрить мою ленную сущность. А как-то раз привел меня в бассейн...

Вода и вязание

Девчонки младшей группы уже легко держались на воде, и только я веселым головастиком барахталась у берега. Мой деятельный нрав не подкачал и в этот раз: я поплыла на глубину, к единственной дорожке, натянутой поперек бассейна. Это был безусловный триумф здравого смысла и контроля над ситуацией. В десяти метрах от бортика я погрузилась с головой и тут же поняла, что человек – тварь сухопутная, водой дышать не может (ну, если только раз). Мои ноги зависли, руки мелко и хаотично забили по воде. Я чувствовала: следует нырнуть и оттолкнуться, однако, плавучесть моя мне серьезно мешала – вода выталкивала с тем же упорством, с которым я в нее пыталась погрузиться. При этом голова уже тянула вниз, а руки противно деревенели. Истошным кролем, напоминавшим конвульсии, я доплыла до каната и повисла на нем в позе лущеной креветки.

– Чемпионский заплыв! – на бортике стоял веселый тренер, поигрывал новеньким красным свистком, – Придется взять тебя в группу, пока ты не уплыла в Антарктиду.

С этого дня моя жизнь превратилась в заплыв с редкими вдохами в виде уроков. Мышцы непроизвольно дергались, в ушах стоял шум, перед глазами расплывались радужные сферы – результат сочетания хлорки и слез. Великий прорыв школы брасса пришелся на пору моих достижений. Я свободно влилась в олимпийский резерв, захлопнув тем самым пути отступления, лишив себя права чему-то учиться, заниматься музыкой и перестать тупеть день ото дня.

Однажды осенью отец исчез. Его просто не стало – ушел и не вернулся. Я не сразу заметила его отсутствие, поскольку спорт заменил мне реальную жизнь. Из разговоров взрослых, из странных взглядов, из поведения матери, готовой взорваться в любую секунду, из напряжения, повисшего в воздухе, я поняла, что случилась беда.

– Отца арестовали, – сухо произнесла мать, когда я, наконец, отважилась спросить.

– Как это арестовали?

– Его посадили в тюрьму.

– Он что, крал деньги?

– Нет, он написал научную работу и открытое письмо американскому певцу.

– А потом обворовал его?

– Никого он не обворовывал! – нервно произнесла мать. – Все это очень сложно.

– А что он сделал?

– Он оклеветал наше общество, а я ему в этом потворствовала.

Я живо представила, как мать потворствует отцу в клевете на общество, и мне стало грустно.

– Но вы же хорошие! – не выдержала я.

– Мы неплохие. Просто повели себя как идиоты, – ответила мать и разрыдалась.

Мне страшно захотелось ей потворствовать, но я не знала, как это делается, поэтому тихо скулила в углу на диване. Остаток вечера я слонялась по дому, вынашивая план побега. В мозгу менялись картинки, одна мрачней другой: тюремные стены, нависшие над обрывом и одинокий серый остров среди чаек и волн.

С арестом отца моя жизнь почти не изменилась, чего нельзя сказать о жизни Нины Петровны Карамзиной, жены врага народа Антона Хмельницкого, соучастницы его гнусных преступлений, инсинуаций и клеветы на наш вопиюще передовой образ жизни. Из партии ее погнали, не дожидаясь окончания следствия, и уже беспартийная гражданка Карамзина

носила мужу передачи в следственный изолятор, уговаривала охранников взять белый хлеб, когда у подследственного открылась язва, и прятала кусочки масла в свежие буханки.

Допросы, казалось, будут длиться вечно, а обыски сделались нормой жизни.

Был выходной, я лежала с ангиной, и моя температура ползла все выше, приводя мать в еще большую панику. Зазвонил телефон, и вкрадчивый голос следователя Казачкова осведомился:

– Как самочувствие, Нина Петровна? Как дела на работе?

– Какое, к черту, самочувствие, – вскипела мать, – ребенок болеет, с работы скоро погонят, а вам все неймется!

– Нина Петровна, нам нужно поговорить, – миролюбиво произнес Казачков, – У вас болеет дочь, и мы не станем вызывать вас на допрос. Мы можем побеседовать в вашей квартире. Надеюсь, вы не против?

– Против или нет, какая разница, – усмехнулась мать, – вам нужно убедиться, что я дома.

– Вы – умная женщина, – похвалил Казачков, – Сейчас подъедем.

Через десять минут в дверь позвонили, и на пороге возник следователь собственной персоной. Был он не один: сзади напирали два похожих друг на друга товарища, у стены скромно жались мужчина и женщина.

– Товарищ Карамзина, у нас есть санкция на обыск. Понятые, пройдите в квартиру.

– Казачков, какая же вы..., – мать стиснула зубы, – Я же сказала, болеет ребенок!

– Вот именно, – подтвердил Казачков, – вас по-другому не застанешь!

Первое, что сделали серые дяденьки – подняли меня с кровати, основательно со вкусом ее перетрясли и уж потом перешли к настоящей охоте.

Я ходила по квартире вслед за понятыми, поражаясь изобретательности, с которой отец прятал главы своей диссертации. Но куда больше меня восхищала сообразительность дяденек, которые не просто находили эти места, но по пути разбирали такие предметы, о существовании которых я не подозревала.

– Господи, – взмолилась понятая тетенька, – уберите ребенка, не нужно ей смотреть!

Но я так просто не убиралась. Я тщательно запоминала тайники, места потенциальных кладов и еще отчаяннее температурила от возбуждения и азарта.

Когда «безликие» покинули наш дом, сгибаясь под грузом отцовских трудов, я залегла в постель, укрылась с головой и поклялась, что научусь так прятать вещи, что ни одна ищейка не найдет. И кое-что еще я поняла в тот день: я поняла, что чувствую предметы, могу найти любую вещь и отыскать любой тайник.

На следующий день приехала бабушка, седая, постаревшая. Она обняла меня, горько вздохнула:

– Проклятые коммунисты – оставили ребенка без отца!

Потом они с матерью занялись сумками, и с кухни потянуло домашней колбасой.

– Ты писала, что тебя выгнали из партии? Ну и на черта тебе эта партия, живи как жила. А те сволочи, что Антошу арестовали, построят коммунизм и без тебя, – бабушка снова полезла в мешок, – Я тут домашнего сыра привезла, давай Антоше отнесем?

Мать страшно удивилась:

– Вы что, письма не получали? Антона перевели в Свердловск – его дело забрала областная прокуратура.

Бабушка охнула и опустила на стул. Мать отвернулась к окну. На кухне повисла тревожная пауза.

Я крутилась у стола, в надежде, что хоть одна из женщин проявит сознательность и откроет банку с вишневым вареньем, но обо мне, похоже, все забыли.

Насмотревшись на березы, с их безликими стволами, на сумерки и вечную метель, мать занялась бельем и теплыми вещами, а бабушка вернулась к продуктам.

Примерно через час мать заглянула в комнату:

– Мы едем в Свердловск, вернемся поздно. Делай уроки, полощи горло, по дому не скачи!

Когда за матерью закрылась дверь, я покопалась в отцовской фонотеке и отыскивала там любимого Сен-Санса. Запела скрипка, застонал фагот, я унеслась в другое измерение. В те годы приступы танца случались со мной постоянно, и каждый раз я забывала обо всем: о том, что на дворе зима, что снег идет сплошной стеной, что мой удел – лишь крики тренеров, пот, слезы, шум воды и нескончаемый заплыв, длиною в жизнь. Полет мой проходил на высоте, неведомой брэнному миру. Здесь не было ни тренерских свистков, ни школы с вечным Perfect Tense, ни матери с ее бесконечным нытьем – никто меня не попрекал за тройки и немытую посуду. Струилась мелодия и заполняла вселенную, и обнажала суть вещей. Слетала скорлупа, и чувства обострялись. Я знала, где истина – она по ту сторону, рядом с моим отражением – за лакированной дверцей платяного шкафа, именно там происходят самые важные, самые солнечные события моей жизни, а снегопад за окном – лишь робкий зритель, опоздавший на спектакль.

Когда мать с бабушкой вернулись из Свердловска, я лежала в постели, свернувшись клубочком, и тихо дремала.

– Какой все-таки гад, этот ваш Казачков! – процедила бабушка. – Как его только черти носят?

– Да что там Казачков! – подхватила мать, – Бабурин – вот кто настоящая сволочь – сдал Антона властям. Антон ему доверял, считал другом, давал почитать диссертацию, а тот донес на него в КГБ.

– Ничего, отольются ему наши слезы! – прошипела бабушка, – Достану яду и отравлю подлеца.

На утро бабушку выдворили из города. Конвой проводил ее до станции, проследил за тем, чтобы она села в поезд. Недоваренный борщ остался на плите, на подоконнике осталась миска с фаршем. Мать грустно покачала головой, поставила фарш в холодильник, натянула пальто и пошла на работу, проклиная вездесущую прослушку и бабушкин длинный язык.

С отъездом бабушки мы снова оказались в изоляции. Из всех отцовских приятелей, вхожих в наш дом, из всех коллег и сослуживцев, один только дядя Валера отважно навещал семью диссидента, заботился о нас и опекал. От него я узнала, что мать восстановили в партии и снова исключили уже с другим диагнозом, но с теми же симптомами. Материнского энтузиазма сей факт не охладил – она продолжала сгорать на работе, предоставив бассейну заниматься моим воспитанием. Теперь не мать, а дядя Валера водил меня в кино и в театр, находил свободное время, чтобы поболеть за меня на соревнованиях, вместе со мной показаться на лыжах, послушать с балкона «Летучую мышь».

Как выяснилось, помнил обо мне не только он. В канун Рождества обо мне вспоминала Европа, и мой почтовый ящик оживал. Конверты всех размеров и цветов, странные марки, чудные открытки, такие яркие, такие непохожие на унылые советские поздравлялки, с их куцыми елками и рахитичными зайцами. Активный западный радиослушатель забрасывал меня картинкам фламандских улиц, мордашками лубочных пупсов, традиционными библейскими сюжетами.

Я подолгу разглядывала картинки, перечитывала теплые слова поддержки, до дыр мусоля словарь. Послания меня не вдохновляли, не утешали в трудный час, не делали частью свободной Европы – я просто была счастлива оттого, что держу в руках яркие кусочки чужей реальности, глажу подушечки искусственного снега, кристаллики чужой зимы. Я охап-

ками таскала их во двор, с готовностью показывала всем, кто пришел посмотреть на это рождественское чудо и нещадно его разворовывал при каждом удобном случае.

Но праздники быстро кончались, и я возвращалась в бассейн. Первая тренировка началась в шесть утра, а к семи вечера я уже чувствовала себя ластоногим чудовищем, выполняющим на сушу за парой жалких троек. На берегу ничего не менялось: все та же кучка неудачниц в раздевалке, все те же мамашины приятели из разряда сочувствующих, все тот же английский язык. Соревнования, сборы, бесконечные тренировки – все слилось для меня в единый мутный поток, по которому я скользила навстречу московской олимпиаде, пожертвовав своим и без того веселым детством.

Пока я плавала и добывала результаты, мать посещала модные курорты. В погоне за молодостью и красотой она скакала по грязелечебницам, проходила курсы очищения, выбивала путевки и талоны на диетическое питание.

– Мои дни сочтены. Я ужасно больна. Не знаю, сколько еще протяну, – повторяла она и пускала слезу.

Дети доверчивы, верят всему и близко к сердцу принимают боль. Я безумно боялась за мать. Ее «откровения» и трагические вздохи рвали душу на части и, каждый раз, провожая ее в санаторий, я мысленно прощалась навсегда.

Здравницы Крыма и Кавказа благотворно влияли на мать: она возвращалась домой отдохнувшей, и какое-то время мы жили спокойно. Потом ей становилось скучно, и на место шаткого мира приходил устойчивый конфликт. Вся прогрессивная система воспитания сводилась к угрозам и шантажу: мать запирала меня в туалете, снимала трубку, набирала номер и нарочито громко пристраивала меня в городской интернат. Первое время я билась о стены, кричала и плакала, переживая все новые приступы удушья. Скорее всего, в тот момент у меня развилась клаустрофобия: казалось, что стены сдвигаются в узкую щель, темнота обволакивает, затягивает внутрь, и каждая клеточка стонет от этой физической боли.

Со временем я привыкла к подобным экзекуциям, перестала плакать, биться и кричать и тут же слышала, как после каждого набора цифр, мать неизменно нажимает на рычаг. Так острый слух помог мне обнаружить, что мать никуда не звонит, а сбросив вызов, говорит в пустоту. Теперь я тихо злобствовала в заточении, но больше не металась, не рвалась. Мать еще долго практиковала колонии и детские дома, не замечая провала спектакля. В конце концов ей наскучила игра в одни ворота, без выплеска эмоций и криков из партера, она потеряла ко мне интерес и завела очередной роман.

Ей было невдомек, что я усвоила уроки шантажа, его жестокую школу, запомнила все правила игры и самые циничные приемы. Теперь уже я запиралась в ванной комнате и грозила покончить с собой. Результат всегда превосходил ожидания: ни в туалете, ни в ванной нашей скромной квартиры замки не приживались, щеколды бесследно исчезали, а двери болтались на петлях. Чинить все это хозяйство было некому, поскольку среди матушкиных ухажеров попадались все больше безрукие, до ремонта негодные и прыткие только по части дел альковных.

Отцу дали два года строгача и отправили сначала в Омск, потом в какой-то северный городишко, где в скором времени он получил представление о жизни по ту сторону закона. Наезды уголовников, угрозы паханов отец встречал спокойно, с холодной решимостью. В ту пору он был готов ко всему, а отчаянье делало его непредсказуемым, отбивало у сокамерников охоту издеваться, диктовать свою волю. Бабушка писала отцу длинные письма о том, что жизнь на этом не кончается, что мир гораздо больше, чем барак, а любовь не посадишь за решетку. Писала, что нужно жить даже за пределами свободы, что нужно любить, не смотря на разлуку, верить в дочь, помнить мать – тот единственный причал, который ждет тебя любого. Письма этой простой деревенской женщины лучше всех философских трактатов,

загавивших голову отца, вытягивали на поверхность из той inferнальной трясины, в которую он стремительно рухнул на взлете карьеры, и куда так заботливо определил его виртуозный мясник человеческих душ – комитет государственной безопасности. Отцу повезло: один раз от садиста-охранника его спас тюремный врач, другой раз сокамерники отступили перед стеной отцовского отчаянья. В конце – концов, с ним начали считаться, к нему стали приходить за юридическим советом.

Два года – срок относительный. Для меня он летел, для отца проходил, для бабушки тянулся вечно. Время – ускользающая нить: одни события проносятся быстрее, их просто помнишь, отмечаешь среди прочих, другие длятся бесконечно. Однажды я споткнулась о реальность и вслух произнесла: «Мне три года», и было в этой фразе столько знания и смысла, такое понимание сути, какое бывает, пожалуй, на закате, когда бросаешь взгляд на уходящий мир и, осененный, даешь название предметам. Отец в своем распоряжении имел два года: что понял он за это время, чему научился, что утратил – все сложилось в причудливую мозаику дальнейших событий, все отразилось на холсте его судьбы.

Он вышел на свободу поздней осенью и тут же уткнулся в колючую проволоку, отделявшую прошлое от настоящего. В город к семье его не пустили, в трудоустройстве отказали, переписку вскрыли. До самой зимы отец метался между Горьким и Москвой, искал квартиру и работу. Сгодились пять дипломов высшей пробы: отца взяли грузчиком на кондитерскую фабрику, тем самым подтвердив стремительный духовный рост советского пролетариата.

Приближался новый год, на окнах светились гирлянды, из форточек торчали авоськи с домашними пельменями, на балконах крепили холодцы и студни, а москвичи рыскали по городу в поисках тортов и мандаринов. Подняв воротник и ежась от порывов, отец брел по набережной. Он щурился на фонари, на зеркала витрин, на свет московских окон. Этот свет отразился от зрачка, дрогнул, излился наружу теплой струйкой неожиданной печали. Мальчишки, пробежавшие мимо, что-то крикнули про снежную бабу. Отец посмотрел им вслед, что-то вспомнил, свернул в переулок и в ближайшем киоске купил почтовый конверт. Придя домой, он сел за стол и написал серьезное письмо.

Письма отца были жесткими и назидательными. Я трепетала, получив конверт, подписанный его рукой, и долго вчитывалась, постигая суть. Но вот передо мной открылась глубина и мудрость строк, недюжинный талант его посланий. Тогда-то мать и начала ревновать меня к отцу, к той скрытой стороне моей жизни, к той готовности, с которой я цитировала письма, с которой выполняла советы этого чужого, как ей казалось, человека. Она беспардонно вскрывала конверт, читала текст, швыряла мне прочитанный листок. Кончалось всегда одинаково: мать сажала меня за стол и диктовала ответ, методично выделяя знаки препинания и трудные орфограммы. В конце концов, отец не выдержал и посоветовал ей не лезть в нашу с ним переписку и не навязывать ему свои мыслишки. Мать хмыкнула, пожала плечами и с той же легкостью взялась за бабушкины письма. Какое-то время бабушка терпела, но вскоре перестала отвечать...

В седьмом классе я стала мастером спорта. В те дни мои конечности уже напоминали плавники, мозги – болотистую массу, в которой жалко хлюпали остатки мыслей. Молодые люди шарахались при виде мокрых волос, кроличьих глаз и вмятин от очков. Во сне я вздрагивала каждой мышцей, а на уроках спала, прижавшись к батарее. Вода с волос сочилась на учебник, посылая на дно древний мир с его очередной империей.

Карьера матери наладилась и устремилась в гору после того, как умные люди из комитета вызвали ее для доверительной беседы.

– Говорят, Нина Петровна, вы якшаетесь с приятелями бывшего супруга.

– От чего ж бывшего, наш брак не расторгнут.

– Ваш, с позволения сказать, супруг проживает в другом городе, семье не помогает, в воспитании дочери участия не принимает.

– Еще как принимает! Да вы не хуже меня знаете, что он ей пишет.

– Зачем вы так! Мы вашу дочь не контролируем.

– Зато контролируете ее отца.

Комитетчик откинулся в кресле, изучая несговорчивый экземпляр:

– Вы уже в курсе, что гражданина Хмельницкого снова выслали за сто первый километр?

– Опять? – ахнула мать и всплеснула руками. – Что опять не понравилось московским товарищам?

– Уж больно тесно он общается с людьми, толкнувшими его на преступную стезю, – и с чувством добавил, – Вас это тоже касается, товарищ Карамзина.

– А что мне остается, жене врага народа, как не общаться с себе подобными?

– Ну, это мы исправим, – улыбнулся комитетчик. – Ваша свекровь – женщина невменяемая, сотрудничать не желает, несет антисоветчину. Заявила, что криминальные работы своего сына сдавать не собирается. Но вы-то человек разумный, у вас дочь, которой нужно дать образование, которую нужно кормить и одевать. Ваш нищий муж вам не опора. Он – далеко, на помощь не придет, а вот потопить может и очень даже скоро. Подумайте, Нина Петровна! Все от вас отвернулись, все кроме партии.

– Да ладно! – скривилась мать, – Забыли, что я уже дважды беспартийная?

– Это явление временное и ошибочное, – покачал головой душка-майор, – Я думаю, мы сможем восстановить вас в партии и дать, так сказать, второй шанс вашему здравому смыслу. Понимаете, о чем я? Не делайте глупостей, не повторяйте ошибок, и вас ждет блестящая карьера. С вашим-то умом и вашими амбициями! Не говоря о вашей внешности, которой грех не воспользоваться...

– Чем мне там грех не воспользоваться? – сощурилась мать.

– А вот хамить не надо! Работа у вас пока есть, жилье тоже. Дочь худо-бедно учится в спецшколе, бассейн посещает. Желаете пойти по стопам супруга – вперед. Только мы вам предлагаем жизнь достойную и честную. Восстанавливайтесь-ка в партии, да налаживайте свою карьеру, дорогая наша Нина Петровна! И кончайте со своим никчемным прошлым и таким же никчемным супругом! Беспартийная, вы могли встречаться со всяким сбродом, а вот член партии себе этого никогда не позволит, и всегда будет иметь за спиной надежный тыл и поддержку товарищей. Мы будем внимательно следить за тем, чтобы вас не обижали и не препятствовали вашему продвижению вперед.

Душка не солгал: спустя два года мать возглавила партийную ячейку школы, а еще через год стала ее директором.

Отец рвался в Москву с отчаянным упорством: каждый раз он устраивался на работу, получал очередное жилье и забирал меня к себе. Месяц спустя органы объявляли его неблагонадежным и высылали за пределы области. Я возвращалась к матери в наезженную колею и продолжала плавать в бассейне, а заодно и в школе.

Скитание по городам, спортивным клубам и школам не прибавляло ни мозгов, ни жизненного опыта. Я только больше отдалялась, становилась чужой, как на радиоактивных уральских сопках, так и в Москве, где мало кому была нужна со своим стандартным набором титулов и жалкими достижениями в учебе. И лишь на Украине оставалось еще что-то теплое, родное и вечное, во что я верила и в чем не сомневалась.

Годам к четырнадцати во мне проснулся интерес, и слеповатый от рождения левый глаз начал поглядывать на молодых людей, населявших мою спортивную планету. То справа, то слева проплывали дельфиноподобные самцы с фигурами Давида и мозгами Голиафа. Их

мускулы картинно играли в струях воды, а локоны чувственно стекали на загорелые затылки. Мальчишки из внешнего мира терялись на фоне плечистых парней в тугих плавках. Вальяжная походка, твердый взгляд и полная уверенность в себе – вот формула, разившая девчонок наповал, простой прием, сбивавший с ног и умников, и острословов всех элитных школ. Одна беда – разговор с пловцами давался мне с трудом: на первой же минуте он вливался в спортивное русло, на второй закисал там окончательно, а на третьей вызывал зевоту и желание уйти в монастырь.

Одноклассники меня сторонились, опасаясь то ли удара в глаз, то ли плевка в физиономию. Чего еще ждать от дочери врага народа, которая выползает на сушу только в отсутствие сборов, соревнований и гастролей по Москве. Да, я была еще той штучкой!

– Вам, жителям столицы, с нами скучно, – смеялся Стас, когда я возвращалась из Москвы с переломанной техникой и взлохмаченной психикой. Он гнал волну к моим ногам, – В Индии жара. Принцесса недовольна...

Стас был ходячим парадоксом: умница-философ, с прекрасными спортивными данными, развязными манерами и вопиюще смазливой внешностью. Стас – мечта всех водоплавающих и сухопутных барышень нашего городка, откровенно паялся в мою сторону, таскал за мной сумку и названивал по ночам. Его странный выбор удивлял не только девиц, готовых удушить меня в раздевалке, но и меня саму.

– Ты единственный человек в этом захолустье, с которым можно говорить, не померев с тоски, – шептал он в трубку.

Со мной что-то явно было не так: красавец Стас мне действовал на нервы. Я находила в нем море достоинств, пригоршню недостатков, но так и не научилась испытывать к нему теплых чувств. Его забота утомляла, ухаживания раздражали, вот только без них становилось совсем безотраднo...

– Ты все еще меня не видишь, но ничего, я подожду.

И снова по первому же зову он возвращался ко мне из всех своих любовных похождениях.

В июне я пришла второй на первенстве России, а через месяц в составе сборной выехала в Сочи.

Пятнадцатый август своей жизни я провела на турбазе у Черного моря. Тренера не загружали нас физически, упирая на режим и питание. Дни напролет мы объедались арбузами, болтались по городу, устраивали дискотеки и мечтали только об одном – оторваться по полной в канун очередного сезона.

Шла последняя неделя сборов. Загорелые и откормленные, мы лениво перекидывались в дурака, когда дверь распахнулась, и с грацией электровоза в комнату влетела Любка-баттерфляй.

– Шторм начался! – протрубила она.

Услышав благую весть, мы кинулись к морю, на ходу натягивая плавки.

Это был поистине королевский подарок: пятибалльный шторм, пустой пляж и ни одного спасателя на обозримом пространстве. Волны, одна свирепее другой накатывали на берег, разбивались в пену и пятились, шипя как змеи.

– Правила помним? К волне лицом! Ныряем в основание, а не на гребень! Чем дальше от берега, тем проще резать волны! Добровольцы вперед! – крикнул тренер и первым прыгнул в воду.

За ним шагнуло несколько девчонок. Их тут же выбросило на берег и протащило по гальке под рев и хохот зрителей. Любка-баттерфляй возглавила второе шествие. Как и в предыдущем случае, ее мигмом прихлопнуло, опрокинуло и вынесло к нашим ногам. В это время трое могучих ребят проскочили прибой и успели прорезать волну. Их головы показывали над волнами.

лись в пятнадцати метрах от берега. Они держались вместе, громко кричали и синхронно исчезали за трехметровой стеной. Картина казалась нереальной, она притягивала как магнит, и ноги сами понесли меня к воде.

– Проскочишь первую – считай, что повезло! – услышала я голос Стаса, – Нырять в подножие!

И я нырнула. Со мной плюхнулось еще пять человек и, словно стайка пингвинов, мы поскакали по волнам. Лишь здесь, у самой кромки бездны, я поняла, как хрупок человек, как он беспомощен и жалок, как пестует свой эгоизм, ошибочно приняв его за силу. Здесь, среди вздыбленных валов, он лишь незванный гость, бросивший вызов великому первобытному явлению по имени стихия.

Волны шли одна за одной, не давая опомниться и отдышаться. Тех, кто пытался вернуться на берег, ждала атака с тыла: стена воды настигала беглеца, сбивала с ног, закручивала под себя и тащила обратно в разверстую пасть. Попад в замкнутый круг, бедолага цеплялся за дно, пока волна-откат вертела и трепала, утягивая за собой. Счастливчики, сумевшие бежать, барахтались на берегу в нелепых милых позах, те, кто отполз, вытряхивали гальку из штанов.

Я засмотрелась на забавную картинку, и в этот миг на меня упала мгла, весом с полтонны. Закутав, словно младенца, она потащила меня на самое дно, стукнула там головой, присыпала камнями, затем сменила курс и разом схлынула. Секунду-другую я не могла понять, где верх, где низ, потом рукой нащупала опору и оттолкнулась от нее. Сразу стало светлей, а в серой мути замаячили обрывки пены. Я выбросила руки, приготовилась вдохнуть и тут же попала под новый бурун. Не прошло и секунды, как я оказалась на гребне волны и в авангарде всей этой махины понеслась по знакомому маршруту. В голове проплыла равнодушная мысль, что вдохнуть уже вряд ли удастся. Зашумела вода, мысль заклинило и унесло куда-то вбок, навстречу новой реальности или нереальности, что на данный момент не имело значения. Из сумерек меня достали чьи-то руки. Я жадно вдохнула и снова зажмурилась – над нами навис фантастический вал. Тело привычно погрузилось под воду, но в этот раз меня крепко держали, не давая кувыркаться и барахтаться на дне в компании дохлых крабов. Добрый тренер прервал процедуры на пике веселья и доставил на берег мое измотанное тело. Стоит ли говорить, что в тот день я стала чемпионкой по количеству поймавшей гальки.

После сборов мы разъехались по разным городам: я – в Москву, Стас – в Ленинград, но не прошло и недели, как в квартире отца зазвонил телефон, и голос Стаса сообщил, что ждет меня у станции метро. Да, на такое был способен только Стас, который не укладывался в рамки бытия, для которого порыв равнялся вдоху, а мнение других являлось лишь помостом, с которого можно плевать на это самое общественное мнение. Что творилось в его голове – для меня оставалось загадкой, я цеплялась за логику его поступков, но каждый раз безнадежно путалась и теряла нить. Девчонки взрослеют быстрее парней: включается небесный механизм, приходит осознание природы, и сверстник вдруг становится ребенком. Стас был старше на один год, и ровно на один год он был взрослее, значительно взрослее и предательски старше на все 365 дней. В его присутствии я чувствовала себя наивной и страшно злилась на весь мир.

В короткий промежуток между рейсами я умудрилась наговорить ему кучу обидных слов. Я не простила Стасу его чувств, а он не стал меня наказывать за равнодушие. В тот же вечер он вернулся в Ленинград в свой знаменитый водный рай, растивший олимпийских чемпионов и рекордсменов всех мастей.

Стас улетел, а я осталась, и все вернулось на свои места: столица, олимпийский центр, диета и талоны.

Отец все также ревностно выстраивал мой быт. «Лежа не читай! Вымой руки! Не смотри телевизор! Найди себе занятие! Не болтайся без дела!» – вот фразы, звучавшие в перерывах между бесконечным мытьем полов и чисткой кастрюль.

И все же в глубине души мне было жаль этого метущегося человека, вечно гонимого, вечно травмированного и такого неустroенного. Бывали времена, когда обиды отступали и начиналось время диалога. Говорил отец долго, увлеченно, сыпал парадоксами, историческими фактами, подкрепленными самобытной философией сиюминутных мелочей, которые, как ему казалось, и в чем он был фанатично уверен, правят миром. Вся жизнь, по его мнению, версталась из поступков и деяний в каждый миг бытия, и эта самоотверженная возня слагала общую картину совершенства.

– А как же безмятежность? Эмоция? Порыв? Ты не допускаешь их присутствие в жизни? – я не могла смириться с тем, что мир настолько прагматичен.

– Все, перечисленное тобой – есть ни что иное, как следствие праведной жизни. Праведной по отношению к себе самой и к собственному будущему. Радость – это надстройка, она тем выше, чем качественнее прожитый до нее отрезок времени.

– Отрезок безрадостный?

– Учись черпать радость из рутины. Скука там, где бездействие. Радость примитивна, если не имеет выстраданной почвы. Тебе скоро пятнадцать, пора подумать о будущем. С твоей внешностью трудно рассчитывать на хорошую партию, придется много трудиться, чтобы стать интересной.

Вот с этим у меня проблем как раз не возникало, хотя отцу об этом знать не полагалось. Сама я толком не вникала в природу этого явления. Просто в нужный момент мир начинал вращаться вокруг меня, и я безмятежно существовала в самом его эпицентре со всеми своими внешними и внутренними недостатками.

С раннего детства я хранила один, очень странный секрет...

– Смотри, какой большой трезубец! – улыбнулась гадалка, разглядывая мою ладонь. Мы сидели в маленькой комнате: я – пятилетний ребенок и молодая цыганка, укравшая меня у входа в магазин. Что за трезубец, я не знала, но запомнила выражение лица, с которым цыганка изучала мою руку. Экскурс в хиромантию окончился довольно быстро: дверь распахнулась, и в комнату ввалилась куча разъяренных теток. Трезубец их не интересовал, они галдели и размахивали сумками. В проеме появилась мать. Сметая строй и брызгая кефиром, она примчалась вызволять меня из плена. Пять минут спустя с кочевой жизнью было покончено, и я вернулась к цивилизации.

С тех пор прошло немало лет, воспоминания поизносились, но в одном я была уверена твердо: трезубец – он и только он в ответе за мои победы. Случалось, впрочем, подлый лицемер и подводил меня нещадно.

Отец об этом случае не знал. Он продолжал пилить меня и сетовать на внешность. Я дала ему слово прилежно учиться и развиваться до заоблачных высот. Но отцу и этого казалось мало.

– Мозги – дело хорошее, но тело женщины должно быть безупречным. Не стоит все пускать на самотек. Я думаю, массаж тебе не повредит.

Массаж я любила, а массажистам доверяла. Со мной всегда работали серьезные ребята: они разминали забитые мышцы, лечили травмы, вправляли позвонки. Услышав предложение отца, я с готовностью улеглась на живот, расслабилась и задремала. Отец размял мне плечи, активно прошелся по спине, по пояснице, его руки опустились к бедрам... Сон как рукой сняло, и я сжалась в комок от ощущения чего-то вопиюще неправильного и абсолютно недопустимого.

На утро я сбежала к матери и трое суток просидела под одеялом. На четвертый день я вылезла на белый свет, зашвырнула подальше очки и купальник, вывалила на стол учебники и впервые погрузилась не в воду, а в жизнь. В бассейн больше не пошла.

От моего вероломства мать пришла в ярость. Упреки посыпались градом, скандалы слились в один протяжный вой. Тренера забили тревогу, а учитель физкультуры обозвала меня душой и перешла в наступление, избрав оценку орудием мести. После ее уроков меня выворачивало наизнанку, от нагрузок темнело в глазах. Мои одноклассники хлопали глазами, не понимая, почему мастер спорта не может сдать нормативы ГТО, в то время как рыхлые и малоподвижные девахи получают «отлично» за одно поднятие ноги. Но мне был нужен аттестат и аттестат приличный, поэтому я продолжала бегать с резвостью сайгака, склоняться над унитазом и получать вымученные четверки по великой физкультуре. Похоже, мое рвение всех только раздражало. Учителя пожимали плечами и громко вздыхали – гораздо спокойнее было ставить привычные тройки, не дослушав ответ, а в конце сочинения писать дежурное «Тема не раскрыта». И все же упорство дало результат, а силы и время, спасенные у спорта, помогли устоять – к последнему звонку мои оценки достигли заветных высот.

Голову распирало от знаний, а тело от отсутствия нагрузок, но впереди маячило жаркое лето. Предстоял заплыв, длинной в пять лет: выпускные – вступительные – студенческий билет – зачетная книжка, а на финише – вожделенный диплом.

Чтобы мать не пилила меня за талоны, я взяла на себя все заботы по дому и устроилась работать машинисткой. Уроки делала ближе к ночи: читала параграф и по памяти записывала в толстую тетрадь. Таких тетрадей у меня накопилось четыре – по количеству вступительных экзаменов. Мать, получив стерильные полы, хрустящие простыни, горячий ужин и стабильный оклад, махнула на меня рукой. Собственная карьера занимала ее куда больше, а кавалеры скрашивали ей досуг...

Один из таких почитателей пришел к нам как-то в дом и устроил сеанс красноречия. Он пел серенады, тянул ручонки и пускал слюну в то время, как мне, уставшей и задерганной, ужасно хотелось спать. После очередного «Миша, отстань!», я вышла из спальни, вытолкала приставучего Мишу в подъезд и спустила с лестницы. Элегантный и мало тренированный учитель музыки летел чинно и вполне артистично, а я, получив долгожданный покой, вернулась в постель. Совесть моя этой ночью спала безмятежно.

Зазеркальный дом

Все, что не есть стихия, но ее порождение.

Итак...

Стояли душные майские дни, подходил к концу учебный год. Подготовка к экзаменам занимала все умы и время, самой природой предназначенное для свиданий и стихов.

Мои амбиции, сарказм директора и ухмылки учителей сделали свое дело. С холодным исступлением я пробиралась сквозь завалы книг, мечтая доказать наличие мозгов. Я рвалась в Москву, в известный ВУЗ, зная, что путь туда наглухо закрыт для таких неблагонадежных семей, как моя. То ли весна была слишком долгой, то ли ресурс мой себя исчерпал, только я начала замечать приступы слабости и головокружения. Развязка состоялась очень скоро: после экзамена я потеряла сознание. Врач измерил давление, сделал укол и отправил домой. К вечеру мне стало хуже, и я поплелась в поликлинику, на чем свет проклиная духоту и час пик. Участковая дама надела тонометр, приставила фонендоскоп... и тут ее скуку сняло как рукой. Побросав все приборы, она выскочила из кабинета и вернулась обратно в компании двух докторов. Следующие десять минут мне стягивали плечо и мяли запястье, таращились то на прибор, то на меня, то снова на прибор. После долгих споров консилиум определил мое состояние как глубокий обморок, потому что с давлением 40/25 полагалось лежать без сознания. Переспросив десять раз и убедившись, что я действительно приехала одна, участковая вызвала мать и села оформлять бумажки. В тот же вечер меня положили в больницу с тавтологи́ческим диагнозом вегето-сосудистая дистония по сосудистому типу. Подобный приговор меня не огорчил – я просто завалилась спать и проспала целые сутки, впервые в жизни забыв обо всем.

Мои соседки по палате оказались настоящими ипохондриками – вместо прогулок и чтения книг они обсуждали болячки. Слушать их было не вмоготу и, отоспавшись, я сбежала из палаты. В отделении было пусто: солнечные лучи стекали в открытые окна, струились по стенам. Я прошла по длинному коридору, спустилась на первый этаж и вышла на улицу под нежный лик заката. С моим появлением местное общество пришло в движение: голоса стали громче, а жесты развязней. Я отыскала пустую скамейку, залезла в заросли ольхи, открыла книжку, приготовилась читать... и тут поймала на себе пронзительный тревожный взгляд. Меня как будто обожгло: никто из ровесников так не смотрел. Было в этом взгляде столько опыта, столько силы и уверенности, что мне стало неловко. Какое-то время кареглазый наблюдал за мной со стороны, потом приблизился и, мягко грассируя, произнес:

– Хотите почитать «Мастера и Маргариту»?

Я молча уставилась на незнакомца. Тот понял правильно и протянул мне ксерокопию в домашнем переплете. От удивления я захлопала глазами и тут же услышала, как однажды весною в час небывало жаркого заката в Москве на Патриарших прудах появились два гражданина...

К моменту погони я уже знала имя чтеца – Марк, его преклонный возраст – 28, а вечером, когда явилась мать, мы вовсю обсуждали диагноз Ивана. Мать отвела меня в сторонку, безразлично поморщилась, глядя на Марка.

– Да, экзотическую ты нашла компанию!

Насчет экзотики я ничего не поняла, поэтому просто рассказала ей о книге. Мать пожала плечами, что-то хмыкнула на тему иудеев, а я посмотрела на Марка, сидевшего в обнимку с переплетом, подумала, что он хорош собой и решила, что время покажет.

На следующее утро Марк встретил меня у дверей:

– Как насчет шахмат?

– Ну, если не боишься...

Он расставил фигуры и шумно вздохнул. С первых ходов стало ясно, что шахматист он никудышный и, кончив партию, мы порешили, что играть буду я, а Марк будет искать соперников и заключать пари. К обеду я стала обладательницей двух плиток шоколада и одной коробки конфет, а за моей спиной вырос гонец, экипированный для бегства в магазин. Гамбит закончился моей безоговорочной победой, народ зазвенел серебром, гонец собрал наличность и тут же ускакал.

Вечер в компании Кагора прошел на высоте: участники изрядно набрались. Нетрезвый Марк смотрел мне прямо в душу и повторял, что наша встреча – знак судьбы, а я – событие, которого он ждал.

Шло время, книга летела к концу: уже и петух прокричал рассвет, и «Славное море» было пропето, и сцены бала безумным вальсом пронесли в разверзнутую пасть камина. Я уже гадала, чем кончится встреча на крыше высотки, когда сменился мой лечащий врач. Виктор Петрович, седовласый заведующий отделением, похожий на падре, самолично озабочен был моим исцелением. Он пригласил меня в свой кабинет, задал несколько простых вопросов, выслушал жалобы и перешел на доверительный тон:

– Я слышал, ты читаешь Булгакова?

Следующие двадцать минут мы обсуждали название книги, ее героев, тонкости сюжета. Я смело говорила обо всем: высказывала мысли, наблюдения, предположения и догадки. Увидев неподдельный интерес, я расслабилась окончательно и поделилась самым сокровенным: рассказала о том, что по ночам слышу музыку, но к утру не могу ее вспомнить. Рассказала о том, что отец получил приглашение из-за границы и, возможно, уедет в Британию, читать лекции в Лондонском университете.

Врач с уважением отозвался об отце, с охотой обсудил его возможную карьеру и даже позавидовал, узнав о заграничье.

– Ну, что ж, – подвел итог Виктор Петрович, – отправляйся в палату. Дочитывай роман.

Пришла суббота, отделение опустело – больные разбежались по домам. Марк тоже отбыл утешать ревнивую супругу. Я забралась на подоконник и помахала ему вслед. Стукнула дверь, я вздрогнула и обернулась: мать шла по коридору в сопровождении врачей.

– Ну, все, закончилось лечение!

В висках застучало. Я живо представила, как Марк возвращается из самоволки, узнает, что меня уже выписали, понуро бредет по двору, садится на наше любимое место и открывает заветную книгу... Картина подернулась рябью, рассыпалась в прах, а на ее месте возникла сестра:

– В кабинет к Виктору Петровичу! Живо!

В кабинете находилось трое: сам Виктор Петрович, моя матушка и тощий моложавый врач с колючими глазами. Колючеглазый изучал мою карту и дробно выстукивал карандашом. Мать испуганно жалась на стуле.

– Итак, – вместо приветствия сказал колючий, – картина более ли менее ясна. На основании ваших, Виктор Петрович, заключений, мы можем изменить диагноз.

– Садись Вероника, – предложил Виктор Петрович, – нам предстоит серьезный разговор.

Я села на свободный стул, испуганно уставилась на мать. Колючий закрыл медицинскую карту и поднял на меня тяжелый взгляд.

– Как самочувствие?

– В порядке.

– Есть жалобы?

– Да нет...

Он повернулся к матери и произнес без перехода:

– Ваш муж лечился у психиатров?

Та дрогнула и нервно замотала головой.

– Уверены? – удивился он. – Ходили слухи о его невменяемости. Похоже, он наш пациент.

Что-то скользкое зашевелилось на дне его глаз, и я почуяла угрозу. Виктор Петрович грузно развернулся, вздохнул, сцепил руки в замок.

– Дела обстоят не лучшим образом, – сказал он, глядя поверх моей головы, – Придется тебе, Вероника, задержаться на время, пройти дополнительное обследование. Тебя переведут к Сергею Сергеичу и там продолжат лечение, согласно новому диагнозу.

Следующие пятнадцать минут он объяснял причины, по которым я должна лечиться у товарища СС. Я плохо слушала – щемило сердце, а когда он умолк, безнадега сдавила клешней. Встал вопрос о моем несовершеннолетии и о согласии опекуна. Я посмотрела на мать, как-то сразу все поняла и разрыдалась в голос. Меня вывели из кабинета, а через пару минут мать подписала все бумаги.

Не всякая нора веет в колодец

Лечебница окружена тройной петлей колючей проволоки, по периметру вышагивают военные с собаками. Двери без ручек – их персонал носит в карманах халатов. Мертвая тишина, лишь с верхнего этажа время от времени доносятся не то крики, не то стоны. Палата на девять человек. Все на прогулке. Моя кровать у окна. Сквозь решетку видна тайга да часть прогулочной площадки. С замиранием сердца жду появления соседей. Мне сказали, что эта палата для смирных. Дверь открывается, входят больные. Ничего не выражающие лица, мутный взгляд, плавучие жесты. На меня никто не обращает внимания. Все расходятся по койкам, и только одна женщина напрягает слух, подходит ближе, тянет руки к моему лицу.

– Ты кто?

– Я – Ника.

– Привет, я – Руфина.

Глаза, как два озера, распахнутые, прекрасные и абсолютно слепые.

– Меня сюда родственники уехали, я здесь уже десять лет. Не бойся, меня не лечат, со мною можно говорить. Смотри, не попади под инсулин!

Позвали на обед. За длинными столами все обитатели второго женского этажа. Дети и взрослые с лицами уродливых кукол, алкоголички с черными кругами вокруг глаз и аутисты – весь цвет советской психиатрии молча кладет еду в рот. Мы сидим за столом, и я бережно перекладываю огурцы в тарелку Руфины. Раздается громкий топот, и в столовую входит девочка лет двенадцати: босая, халат нараспашку, волосы всклокочены, мертвенная бледность щек и злобный взгляд без проблеска мысли. Я дрожу всем телом, и тут мне на плечи опускаются чьи-то теплые руки. Я поднимаю лицо, вижу Ольгу Ивановну – нашу соседку по лестничной клетке. Я знаю Ольгу Ивановну давно и только сейчас понимаю, где она работает.

– Не дергайся, веди себя спокойно, иначе лишишься свиданий.

– За нами наблюдают и доносят докторам, – сообщает Руфина, – Свидания получают только смирные психи.

Из последних сил стараюсь вести себя здраво, только не знаю, что входит в это понятие.

Вечером меня допрашивает врач. Я умоляю отпустить меня домой и слышу в ответ, что мне нужно лечиться. Ни интереса, ни намек на участие, только жесткие вопросы, въедливые уточнения и дежурная улыбка, не значащая ровным счетом ничего. Лечения не назначают – ждут, пока главврач утвердит диагноз, а на ночь суют в рот блестящий черный шарик, после которого я проваливаюсь в тяжелый сон без сновидений.

Утром больные отплывают в комнату для свиданий, я сижу на кровати, жду приговора. В палату входит медсестра, в ее руке – блестящий шприц. Резким движением она отдергивает мне рукав, я подаюсь назад и чувствую железную хватку на запястье.

– Не дергайся, это доза для младенцев. Во время свидания не вздумай психовать! – с этими словами она всаживает в меня что-то омерзительно холодное.

При встрече с матерью стараюсь не плакать, чтобы не лишиться возможности видеть нормальные лица, находиться по ту сторону двери без ручки. Я поглядываю на санитаров и отвожу глаза. Со мной что-то явно не так: не могу сфокусировать взгляд – он поднимается все выше, скользит на самый верх...под самый потолок... Глаза закатываются, заваливается язык, сводит шейные мышцы и тянет назад, голова запрокидывается. Обеими руками хватаюсь за голову, с силой возвращаю ее на место, но тут весь процесс повторяется снова и в той же последовательности. Меня уводят в палату, укладывают на кровать. Ольга Ивановна садится рядом, гладит меня по руке:

– Не бойся, это пройдет.

– Что со мной?

– Таким образом твой организм отвечает на вторжение психотропных.

Тело сходит с ума, а мозг в полном порядке, и этой пытке нет конца. В меня вливают то глюкозу, то антитоксин – не работает ни то, ни другое. Четыре часа подряд я бьюсь в агонию, из последних сил тяну себя за шею, когда становится невмоготу. Ольга Ивановна мечется по больнице, звонит главврачу на домашний номер и после минутного совещания, возвращается в палату. Она кладет мне руку на лоб:

– Сикорский просит погладить тебя по голове. Расслабься, он поможет. Наш главврач – могучий экстрасенс. Сейчас он будет думать о тебе...

Через минуту я засыпаю...

... и просыпаюсь только через сутки. Мне снова дают черный шарик, и мир погружается во мрак.

Я открываю глаза: в палате светло, за окном накрапывает дождь.

Что за год на дворе? И какой нынче день? Впрочем, не все ли равно. Я мертва, и неважно, какой нынче день...

В дверях появляется Ольга Ивановна, прижимает палец к губам. Секунду спустя в палату входит мать, садится на кровать, сует мне в руку бутерброд с икрой, тревожно шепчет на ухо:

– Меня пропустили в отделение – случай беспрецедентный. Ольга Ивановна сильно рискует, но я должна тебя предупредить. Сегодня тебя

поведут к главврачу. От этого разговора будет зависеть твой диагноз. Я звонила, пыталась ему объяснить, что ты не больна, что меня обманули и вынудили подписать.

– Что он ответил?

– Сказал, что не слышал ни слова, а в твоих симптомах разберется сам.

– Когда идти?

– Прямо сейчас... И, пожалуйста, думай, что говоришь! Не рассказывай лишнего!

Ольга Ивановна торопит нас на выход.

– Тебе пора, мне тоже, – мать тычет пальцем в бутерброд, – Слижи хотя бы икру!

Я заталкиваю в рот весь кусок, говорю: «Шпашибо!» и выхожу из палаты.

Вид главврача меня смущает – он выглядит молодо и несерьезно, а еще напоминает Пьера Безухова – такой же неуклюжий очкарик.

Какое-то время мы просто говорим: обсуждаем погоду, последние фильмы. Я рассказываю ему о школе, о бассейне, о предстоящей поездке в Москву. Сикорский тихо улыбается, потом становится серьезен:

– Ника, я задам тебе вопрос, он может стать последним, а может таковым не стать. Не торопись с ответом – подумай!

Он делает паузу и с расстановкой произносит:

– Здесь кое-что записано с твоих слов ... например то, что по ночам ты слышишь музыку. Подумай и ответь: ты слышишь ее или чувствуешь?

Последние слова он повторяет дважды.

Я с облегчением вздыхаю:

– Нет, доктор, я ее не слышу, если вы о галлюцинациях. Она звучит во мне, внутри меня, я просто ее ощущаю, я – автор. Должно быть, тот любезный врач меня не понял, а может быть, я плохо объяснила.

Сикорский улыбается и что-то пишет на листе. Я набираюсь храбрости и обращаюсь к нему:

– Позвольте мне лечиться в другом месте! Здесь я погибну!

Он поднимает на меня свои близорукие глаза:

– Девочка моя, тебе не нужно лечиться ни здесь, ни где-либо еще. Я не дам тебе расплачиваться за грехи твоего отца. Ему уже не помочь, а вот тебя я защитить сумею. Живи дальше, занимайся спортом, поступай в свой ВУЗ, и не вспоминай больше ни обо мне, ни об этом месте.

Мое заключение длилось неделю и стоило мне семи дней жизни.

На утро я покинула лечебницу и больше не возвращалась туда даже в мыслях.

* * *

Вступительные экзамены прошли как в дыму. Я с трудом выходила из седативного клинча, плохо засыпала по ночам и панически боялась любых скачков давления.

Экзамен по английскому был первым и ключевым – сквозь эти жернова прошло не больше десяти процентов.

Моя фамилия оказалась в последней пятерке, и ждать своей очереди пришлось целый день. Прошел слух, что конкурс выдался рекордный – двадцать пять человек на место. И теперь вся эта возбужденная толпа колыхалась у входа, то смыкаясь, то расступаясь. Меня вызвали ближе к вечеру, когда в коридоре оставалось не больше десяти человек. Я вошла в аудиторию, уставшая и заторможенная, вручила паспорт, вытянула билет и заняла свободный стол. Текст показался несложным, грамматическое задание – посильным. Я склонилась над листком и неожиданно для себя нарисовала рожицу в медицинском колпаке. Немного подумав, дорисовала лекарю рожки и бородку, а внизу набросала план ответа.

– Девять неудов и один жалкий уд, – констатировала экзаменатор и протянула ведомость председателю комиссии.

Тот обреченно вздохнул и устало произнес:

– You may start.

И я стартанула. Мои натренированные мозги, словно мышцы пловца, мгновенно напряглись и выдали свой максимум в кратчайший промежуток времени. К концу моего выступления председатель комиссии расслабился окончательно. Покачиваясь в кресле и блаженно улыбаясь, он утвердительно кивал, сыпал изящными шутками и афоризмами. Потом заговорил по-русски:

– Спасибо вам, барышня за ответ. Четко и грамотно. Вы доставили нам удовольствие. Где остальные бриллианты, я вас спрашиваю? Где они? Почему к нам идут люди, не имеющие понятия ни о грамматике, ни об орфографии? А вас, барышня, я возьму в свою группу. Поверьте, у меня в запасе еще много анекдотов.

Уже в коридоре я открыла зачетку... и ощутила шелест крыльев за спиной.

На экзамене по истории со мной вышла другая история. «Отлично» я получила скорее с перепугу. Открыв билет и прочитав вопрос, я шумно выдохнула и взялась за ручку. Я так боялась оказаться неpolitкорректной, что истории хана Батыя, со всеми его деяниями, отвела пару скромных страниц. Зато подвиги и творчество вождя, его неизгладимый вклад в историю советского народа описывала долго и красноречиво. Экзаменаторам пришлось прервать мой монолог, и славная эпоха шалаша не получила должного внимания.

После такого мощного прорыва по основным дисциплинам, дальнейшие экзамены сделались формальностью. Я легко набрала проходной бал и вышла на конкурсную прямую.

Не прошло и недели, как я стала студенткой. А еще через неделю из ссылки вернулся отец. Он открыл мой студенческий билет и молча развел руками.

– Как ты умудрилась? Почему не написала? Я бы помог...

– Как хорошо, что не помог!

– Почему?

– Все московские спецслужбы лежали бы костями у входа в институт.

– И все-таки ты молодец! – уважительно произнес отец, – Вся эта история с больницей... Не думал, что у тебя хватит духу подать документы.

– Нет, папа, с духом я не собиралась. Мой дух тут не при чем – он все еще прячется где-то внутри, заколотый психотропной дрянью.

Отец ничего не ответил. Он отвернулся к реке и поежился.

Так мы и стояли, уставившись в серую рябь, по которой скользили обрывки заката.

Вниз по кроличьей норе

Блаженное студенчество, ты будто праздник, исполнено надежд и ожиданий. Ты летишь навстречу взрослой жизни, подняв забрало и веря в свою бесконечность.

Дивная пора первых зачетов и громких провалов, экзаменационной лихорадки и сизых непроглядных курилок. Ни лингафоны, ни бесконечный марксизм-ленинизм не в силах

пошатнуть твоего оптимизма, а препода-сидисты воспринимаются как неизбежное, но временное зло.

Очередные разборки отца со стражами режима вылились на страницы московских газет. Какой-то ретивый журналист обозвал отца импозантным аферистом с ранней сединой, а чуть ниже – матерым агентом империализма и завзятым клеветником. В который раз отца погнали из Москвы, и мне пришлось переехать в общежитие.

На самом деле, только в общежитии узнаешь, что значит быть студентом, как подготовиться к занятиям, когда у тебя на голове скачут бесконечные юбилары и их гости, как на жалкую стипендию прокормить себя и всех соседей по комнате и как за два часа отоспаться перед зачетом.

В те годы помощь братским народам и самое высшее в мире образование считались монополией советов. В моем институте училось полмира, а общежитие напоминало Вавилон, бурливший всеми оттенками кожи, акцентами, ароматами специй и экзотических приправ.

Представители южных народов учились из рук вон плохо, зато преуспевали в радостях столичной жизни и бурных этнических застольях. Прибалты и поляки держались особняком, пьянок не устраивали, образование получали качественное. Друзья из чернокожей Африки нередко добирались до аспирантуры, компаний не водили, финансы экономили. Лучше всех жили арабские товарищи и братья с Кавказа. Денег они не считали, родню и земляков находили повсюду, а любвеобильные славянские студентки скрашивали им путь к высотам образования. Шестой этаж был государством в государстве – гостеприимным праздным филиалом высокогорных автономий, туземным раем, где позабыв детей, мужей, работу, все местное начальство заливало глаза самогоном и смачно закусывало пряным разносолом.

С моей новой соседкой Илоной мы ютились в убогой и тесной каморке, пока за дело не взялась ее мать. Она вытянула опухшую сизоликую комендантшу из хмельного омута, сунула ей взятку и получила ключ от лучшей комнаты на прибалтийском этаже. Прибалтийских корней у нас не было, зато имелся общий недостаток: ни я, ни Илона застолий не любили, гулянок не устраивали и волосатых ухажеров не водили. Но даже на этом святом этаже редкую ночь нам доводилось спать спокойно. Часам к одиннадцати вся этническая рать поднималась из-за стола и с шумом десантировалась к нам, на бледнолицые русоволосые этажи. Аудиенции хотели все: раньше всех на охоту выбиралась малопьющая Азия, в ее фарватере следовал Ближний Восток, за ним ордой проносился Кавказ, подминая любого, кто не успел занять оборону. Во время таких набегов мы тихо дрожали в своей комнате и молили Бога, чтобы наш замок оказался самым прочным. Однажды к нам ворвался долговязый тип из солнечной Туркмении со странным прозвищем Тишка. Не рассчитав посадочной полосы, он пролетел всю комнату насквозь и приземлился на Илонкину кровать. Пружины жалко скрипнули под Тишкиным задом, ножки подкосились и одна за другой осыпались на пол. Тишке такая качка оказалась не по силам: он вылез из-под обломков, дополз до унитаза и что-то долго говорил ему на экзотическом утробном языке. Весь следующий день мы меняли замок, чинили кровать и внимательно слушали, не скачет ли за дверью любвеобильный и нетрезвый Тишка.

В институте расслабиться тоже не получалось: нам, детям скотского режима, родившимся под сводами тюрьмы и речь заморскую учившим понаслышке, навязывали Оксфордский акцент. Преподаватели шипели и корчились, доказывая, что нет студентов бездарнее, что интеллект наш вопиющ и безотраден. А мы все ниже склоняли головы и все усерднее жевали фонетическую жвачку.

Как ни странно, летнюю сессию мы сдали прилично, назло истерикам и воплям аспиранток.

Экзамены остались позади, свобода, первая свобода открыла дверь в огромный светлый мир. Я вышла наружу и растерялась от обилия возможностей и перспектив. От нечего делать я отправилась гулять по городу и сама не заметила, как ноги привели меня к теткинскому дому. Тетка открыла мне дверь и радостно затарахтела:

– Бегом к телефону – мать на проводе!

Я прыгнула в комнату, схватила трубку.

– Верка, я в Гагре! – услышала я голос матери, – Тут красота! Ты сессию сдала?

– Сдала без троек, на стипендию! Теперь хочу поехать к бабушке.

– Какая жалость! – погрузилась мать, – А я хотела затащить тебя на море. Здесь просто рай! У нас отличный санаторий, и есть свободная кровать.

О, Боже милостивый, море... Какие могут быть сомнения?

И я помчалась за билетом.

Взлет – посадка – рейсовый автобус – и утренний экзамен показался прошлогодним сном.

Водитель остановил автобус, включил микрофон:

– Разбудите юную красавицу, следующую до санатория героев Челюскинцев, и пожелайте ей хорошего отдыха на лучшем в мире курорте нашей необъятной родины.

Я подошла к воротам, назвала номер корпуса, фамилию матери, сиротским взглядом посмотрела на охранника и была тут же допущена к радостям прибрежной жизни.

Матери в номере не оказалось, и дверь мне никто не открыл. Я потопталась немного на месте, закинула сумку и поплелась на выход.

Уже на улице меня окликнула смуглая женщина в темной косынке:

– Ты кого ищешь, девочка?

– Маму ищу, но ее нет в номере, – почему-то призналась я.

– Идем со мной! – позвала меня женщина и зашагала к маленькой пристройке.

В подсобке было уютно и пахло травами. Хозяйка поставила передо мной тарелку с помидорами, достала кусок брынзы и лаваш:

– Кушай, это домашние помидоры, брынза тоже своя. Сейчас позвоню дежурному, попробую найти твою маму. Как, говоришь, ее фамилия?

Женщина долго стрекотала по телефону на непонятном языке и, наконец, объявила, что мать, скорей всего, уехала в Пицунду.

– Вернется через час, – пообещала она, – Экскурсия до семи, а потом у них ужин. Да не переживай ты – я всех предупредила!

И действительно, не прошло и часу, как в подсобку заглянула мать:

– Ты уже здесь! Как быстро добралась! Ладно, идем, покажу тебе номер.

Таких же как я нелегалов в санатории оказалось трое: Галка из Наро-Фоминска, Машка из Львова и Вернер из Риги. Мы быстро подружились и выработали свой особый режим: с утра до полудня плавались на пляже, потом выползали в город на поиски кормежки, а по вечерам зажигали на местной танцплощадке. С восхода и до заката наш квартет был неразлучен и распадался только в дни экскурсий. Время от времени одного из нас увозили в ресторан, когда у матушек случался щедрый спонсор.

Дождь прекратился только к утру, а в девять Вернер уехал осваивать Афонскую пещеру, в двенадцать Машку увезли на спонсорский обед, и мы с Галкой остались не у дел. Не в силах жариться на солнцепеке, мы выклянчили денег и сбежали в город. Гагра пребывала в полуденном обмороке: на улицах – ни души, и только запах шашлыков подсказывал, что

город обитаем. Есть не хотелось, зато ужасно хотелось пить и мы дружно нырнули в ближайшую лавку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.